

RU

Поиски светской религии для достижения национализации масс начала XX в. в Италии

Якутина Е. Н.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей процесса фашизации общества посредством создания государственной религии в Италии. В статье рассмотрены поиски фашистским государством светской религии в целях национализации масс, процесс, который сопровождался мифологизацией понятий «Родина» и «дуче». Исследована монополизация патриотических обрядов на фоне запрета любого другого вида партийной литургии, противоречащей фашистскому режиму. Научная новизна исследования состоит в анализе фашистских коммуникаций в процессе создания религиозной структуры в черное двадцатилетие в Италии. В результате исследования установлено, что «ритуалы» двадцати лет фашизма в Италии, которые кажутся почти возведенными в своего рода «политическую религию», и миф о дуче обрели силу в националистическом движении, в проекте, который окончательно отказался от всего либерального и гуманного в «религии родины» Рисорджименто. Идея «политической религии» абсолютизировала культ родины как «живого божества».

EN

The search for a secular religion to achieve the nationalization of the masses in early 20th-century Italy

E. N. Yakutina

Abstract. The aim of this research is to identify the specific characteristics of the process of societal fascization through the creation of a state religion in Italy. The article examines the Fascist state's search for a secular religion in order to nationalize the masses, a process that was accompanied by the mythologization of the concepts of "Fatherland" and "Duce". The monopolization of patriotic rituals is investigated against the backdrop of the prohibition of any other type of party liturgy that contradicts the Fascist regime. The scientific novelty of the research consists of analyzing Fascist communications in the process of creating a religious structure during the "black twenty years" in Italy. As a result of the research, it has been established that the "rituals" of the twenty years of Fascism in Italy, which seem almost elevated to a kind of "political religion", and the myth of the Duce gained strength in the nationalist movement, in a project that definitively abandoned everything liberal and humane in the "religion of the homeland" of the Risorgimento. The idea of a "political religion" absolutized the cult of the homeland as a "living deity".

Введение

Актуальность данного исследования состоит в проблеме консенсуса фашизма и общества, в рамках которой автор занимается исследованием коммуникационных инструментов режима, одним из которых являлась государственная религия. Саморепрезентация фашизма в качестве религии не ограничилась лишь символикой, ритуалами и мифологией. Она также выполняла важную роль в институционализации данного движения и реализации его тоталитарных устремлений. Это была главная причина, по которой фашизм сформировал свой «корпоративный дух» и чувство идентичности, превратившись из «ситуативного движения» в партию нового типа с характеристиками «народного ополчения», сохранив организацию, культуру и образ жизни, типичный для сквадризма, и сумел монополизировать патриотизм, успешно представляя себя перед буржуазией, средним классом как спаситель Италии от большевизма.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- указать на истоки и последовательность развития идеи светской религии в фашистской Италии;
- описать формулу конструирования государственной религии в фашистской Италии: приверженцы, мифы, символы, обряды.

Теоретическую базу исследования составляют работы Эмилио Джентиле (Gentile, 2002; 1993), в которых излагаются истоки фашизма, анализ процесса кризиса и трансформации общества и государства. В сочинении Э. Джентиле «Культе Литторно. Сакрализация политики в фашистской Италии» (Gentile, 1993) рассматриваются некоторые «ритуалы» двадцати лет фашизма в Италии, которые кажутся почти возведенными в своего рода «политическую религию», миф о дуче, Муссолини (например, в «Доктрине фашизма»). Было выдвинуто предположение о «политической религии», которая абсолютизировала культ родины как «живого божества».

Институционализация фашистской религии была возможна благодаря значительному вкладу интеллектуалов с идеалистическим прошлым и представителям правого этического этатизма. Они объединились в стремлении придать государству светский характер религиозности, добавляя ей важные педагогические функции в воспитании масс и формировании национального сознания. Вклад Джованни Джентиле (Gentile, 1936) (и многих его последователей) имел решающее значение для разработки политической теологии фашизма, вдохнув в примитивную светскую религиозность партийных отрядов живительную силу и мощную культурную подпитку. В концепции Джентиле государство было не только воспитателем масс, но и самим создателем нации как морального единства народа, и как таковое государство отвергало агностицизм и нейтралитет по отношению к гражданам в вопросах ценностей и убеждений и представляло себя перед людьми как божественный творец, «который хочет переделать не формы человеческой жизни, а содержание, человека, характер, веру» (Gentile, 1936, p. 30).

Отношениям государства и церкви посвящены работы Е. С. Токаревой (2023), G. Sale (2011).

Методологической основой данного исследования является принцип историзма, который предполагает анализ явлений в их развитии и взаимосвязи с конкретными историческими условиями. В числе специальных исторических методов применяются сравнительно-классификационный и сравнительно-синтетический подходы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания истории Италии, при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам истории коммуникации.

Обсуждение и результаты

В Италии в военном поколении 1914 года было очень живо стремление дать основу светской религиозности политике, осуществить «революцию духа». Миф о военном опыте придал памяти о войне священное значение, предложив нации множество героев и мучеников, священных мест и наследие, достойное подражания. Культ павшего солдата стал центральным элементом национализма после войны, оказав наибольшее политическое влияние на многие страны, особенно на Германию, которая проиграла войну и оказалась на грани хаоса. Культ имел большое значение и в других странах, в частности в Италии (Mosse, 1991). Этот феномен придал новый импульс освящению нации, наполнив ее существование трансцендентным смыслом и предоставив сакральную легитимность политическим структурам (Gentile, 2007). Сакрализация политики посредством культа павших заключалась в наделении нации качествами святости и вечности, что позволяло мобилизовать население на жертвы ради политических целей, представляемых как священный долг (Smith, 1991).

Когда возникло фашистское движение, существовала установка в пользу приветствия и поддержки национальной религии, особенно среди ищущих веры интеллектуалов, ветеранов, которые сакрализировали опыт войны, патриотической буржуазии и молодых людей, жаждущих самоотверженности и действий (Gentile, 1936). Фашизм как политическое явление возник из дестабилизированной социально-политической среды, той «точки кипения», которая явилась следствием Первой мировой войны и породила демобилизованные, но радикализованные группы ветеранов и иных участников войны (Zeev, 1994). Через политический опыт ее активистов (происходивших из самых различных течений) основные мифы итальянской политической культуры, возникшие в ходе поисков гражданской религии, сошлись в формировании фашистской мифологии для «новой Италии».

Теоретик фашизма Джузеппе Боттаи, говоря о фашизме, писал в 1932 году: «Для меня и для моих товарищей по оружию это было не что иное, как способ продолжения войны, перевести свои ценности в гражданскую религию» (Цит. по: Голдберг, 2012, с. 177).

Первоначально фашисты жили и представляли свои действия через религиозные метафоры, фашистская религия очерчивалась через сакрализующую риторику и литургию, повторявшую христианский ритуал языком и методами, а фашисты считали себя пророками, апостолами и солдатами новой «религии Родины», рожденной из «огромного огня войны», освященной кровью героев и мучеников, принесенных в жертву ради завершения «итальянской революции». Что касается отрядов чернорубашечников, то их походы (помимо целей агрессии и разрушения) всегда носили символический характер: первые из них представляли собой так называемые «экспедиции вызова», совершаемые небольшими группами фашистов в районах господства противника, а затем продолжались как «война символов», символами стали дубинка и огонь. Все фашистские обряды на этапе борьбы были символами «нового рождения» нации, воссоединившейся с традицией Рима и возмратившейся любовью к общей Вере, «к духовному единству, превосходящему все, от вечеринок до занятий, и ознаменовали наступление “царства духа”» (Gentile, 1993, p. 50).

«Религиозное чувство» фашизма развивалось прежде всего внутри отрядной организации; для фашистов отряд был не просто вооруженной организацией, а группой, связанной общей верой, узами товарищества и участием в экспедиции команд, для нового члена это был обряд инициации, в котором он должен был продемонстрировать обладание качествами члена отряда. Членство санкционировалось клятвой, которая представляла

собой акт полной самоотдачи и священной верности и преданности Родине, с формулой, которая еще не была уникальной для всех членов отряда и читалась командиром отделения. Официальная формула, принятая фашистским ополчением накануне похода на Рим, звучала так: «Именем Бога и Италии, именем всех тех, кто пал за величие Италии, клянусь полностью посвятить себя и навсегда на благо Италии» (Gentile, 1993, p. 45).

Культ павших сразу же занял центральное место в фашистской литургии и, вероятно, был наиболее выразительным с идеей героического понимания жизни и её жертвой как высшей ценностью. В культе павших, несмотря на потенциальную доминанту печали и сожаления, скорбь трансформировалась благодаря суровой и воинственной форме церемоний прощания с павшими, боль сдерживалась в форме акта преданности родине, успокаиваемая верой в бессмертие павших, которые восстали в приобщении к фашистской религии. Воинственная форма церемоний служила не только выражением скорби, но и мобилизационным ресурсом, подчёркивающим необходимость дальнейшей борьбы во имя идеалов режима. Преобразуя обряды смерти в «обряды жизни», фашизм хотел придать большее значение мистическому чувству общности, которое оставалось в основе концепции партии, а затем было спроецировано партией на концепцию нации, организованной в тоталитарное государство.

Массовые демонстрации имели разные значения и символические функции: помимо свидетельства мощи для устрашения врагов и для воодушевления и укрепления чувства идентичности и силы самих фашистов, фашистские церемонии были зрелищными пропагандистскими актами, пробуждающими в зрителях новую веру.

Национальная религия воплощалась в архитектуре площадей и памятников, которые навсегда стали «священными местами», где совершались «обряды», сопровождаемые актами благодарности и преданности «спасителю Италии».

Саморепрезентация фашизма как религии не только осталась в сфере символизма, ритуалов и мифологии, но и сыграла роль в институционализации движения и реализации его тоталитарных амбиций.

Фашизм восхвалялся патриотической буржуазией и сторонниками реставрации либерального режима как восстановитель культа нации в его мифах и символах и за установление национальной гражданской религии посредством бескровной революции, которая вернула в страну дисциплину и единство. Соблазн национализма оказался сильнее веры в свободу, благодаря чему фашизм был признан защитником и реставратором «воскресшей родины» (Gentile, 1993, p. 57), которая, по замыслу фашистов, была «одета в черную рубашку», то есть в форму сквадристов, и по-настоящему любить её мог только тот, кто «был в черной рубашке», и имела очень мало общего с идеей реставрации культа Родины в ностальгических формах XIX в.

Правительство дало мощный толчок обновлению государственной и патриотической символики, а также вернуло использование униформы для членов правительства. Журнал *“L’Illustrazione italiana”* в 1922 г. писал: «Муссолини стремится к чему-то более конкретному, чем реформа одежды: он хочет восстановления символа» (*L’Illustrazione italiana*. 1922. № 9).

Фашизм использовал обрядовую культуру, назначил собственные праздники. Были два уставных праздника монархического и военного характера: 20 сентября и 4 ноября (появились в 1922 году). 20 сентября 1923 года было призвано показать, что государство отказывается от демократической и антиклерикальной традиции и демонстрирует символическую связь между завоеванием 1870 года (регулярные войска вошли в Рим) и фашистским «маршем на Рим», представив это как манифестацию абсолютной солидарности итальянского народа. Фашистская пропаганда стремилась изобразить данное единство как преодоление исторических противоречий, в том числе и тех, что были обусловлены религиозной приверженностью части населения, подчинив религиозные чувства идее национального единства и лояльности государству. Другими гражданскими праздниками, назначенными фашизмом, были: годовщина вступления в войну 24 мая и Рождество в Риме 21 апреля. Образ воскресения (связанный с культом Первой мировой войны) был распространен в патриотической риторике, но приобрёл особое значение при фашизации мифа о войне. Это выразилось как в ритуальных аспектах культа ликтора, символизирующего власть и преемственность, так и в эпических элементах, связанных с конструированием «священной истории» для фашистской религии.

Причины фашизации культа Родины (частично) объясняются самой природой фашистской религии, которая в силу своего тоталитарного характера стремилась ассимилировать подобные патриотические движения, а также для фашизма культ Родины был основным оружием достижения консенсуса. Когда лидеры боевых объединений стали фашистами, можно было беспрепятственно приступить к включению обрядов «воскресшей Родины» в культ ликтора. Придя к власти, фашизм ускорил инициированный чернорубашечниками симбиоз национальной и фашистской религий. Стремясь к немедленному и радикальному утверждению легитимности новой власти, режим приступил к фашизации государственной символики. С течением времени фашистская символика все больше перекликалась с обрядами «воскресшей Родины», с церемониями, связывавшими во многих случаях в единый обряд культ павших за Родину и культ погибших в фашистской революции.

Тоталитарная направленность фашистского режима выражалась не только в монополизации патриотических обрядов, но и в запрете любого другого вида партийной литургии, противоречащей фашизму. Использование символа фасций как государственного сопровождалось одновременным возникновением (в его литургии) обрядов, прославлявших приход фашизма к власти как революцию, ознаменовавшую начало новой эры.

Для находившегося у власти фашизма эмблема ликтора, символа силы, дисциплины и справедливости, имела религиозное значение как символ священной традиции римских времен, рассматриваемой в тесной связи с «культом священного огня». Жезлы и топор были необходимыми и достаточными символическими элементами для поддержания очага и умения защитить его в случае надобности.

В циркуляре от 1 декабря 1925 года Муссолини приказал разместить фасции на всех министерских зданиях, декретом от 12 декабря фасции были объявлены эмблемой государства (Brennan, 2022).

Вокруг «похода на Рим» сразу же возник ряд инициатив, призванных усилить его великий характер как исторического события, ведущего к эпохальному преображению. В феврале 1923 года был сформирован национальный комитет под председательством мэра Рима для содействия возведению памятника, прославляющего «поход на Рим». Сам Муссолини решил отметить первую годовщину своего прихода к власти зрелищно, торжество приняло характер национального праздника с программой, подготовленной вышеупомянутым комитетом и одобренной Муссолини.

Прославление фашистской революции являлось своего рода «федеративным торжеством» фашизма: тщательно срежиссированным смотром консолидированной мощи, предназначенным для возвеличивания фашистского движения и укрепления чувства коллективного единства вокруг личности Бенито Муссолини, особенно после периодов внутренней нестабильности и кризиса. Этот акт символической демонстрации силы опирался на ритуализированные практики и визуальные образы, разработанные для подтверждения легитимности режима и мобилизации народной поддержки. Встав на путь построения тоталитарного режима, институционализация обрядов революции протекала быстро, с победой над парламентским режимом и оппозицией, с фашизацией государства и тотальной идентификацией фашистской «религии Родины». Празднование 23 марта годовщины основания боевых отрядов дольше всего сохраняло свой характер партийного ритуала, начиная с 1923 г., когда оно ограничивалось неофициальными речами и шествиями, до 1930 года, в котором дню был придан характер гражданского торжества.

Еще одним символическим актом фашистского режима стало то, что еще в 1923 году Муссолини ввел датировку «первый год фашистской эпохи», вскоре получившую широкое распространение среди фашистов, юбилей 28 октября отмечался как начало «фашистской эры».

Культ ликтора, трансформировавшийся после 1926 года в ритуализированную литургию фашистского государства под эгидой партийного руководства, был институционализирован согласно строгим нормативным предписаниям, определявшим методы его проведения: первым следствием стал запрет на спонтанность в организации вечеринок, обрядов и массовых мероприятий (считалось, что они повторялись часто и беспорядочно), которые скомпрометировали сакрализующую и педагогическую функцию, назначенную режимом.

Придя к власти, Муссолини рассматривал католическую церковь как один из краеугольных камней итальянского национального общества, подчеркивая её значимость как «священного наследия народа». Он превозносил историческую роль католической религии, называя её «единственной универсальной идеей, существующей сегодня в Риме», и видел в ней потенциал для «национальной экспансии» (Gentile, 1993, p. 95). История взаимоотношений между католической церковью и фашизмом представляет собой сложный и многогранный процесс, характеризующийся как периодами сотрудничества, так и моментами острого противостояния. Поддержка фашистских режимов со стороны Ватикана, обусловленная прагматическими соображениями сохранения влияния и защиты интересов католической паствы, сопровождалась использованием политических инструментов, в частности реорганизацией и активизацией деятельности «Католического действия» под патронажем папы Пия XI, что обеспечивало Церкви широкое проникновение в различные слои общества. (В 1922 году папа Пий XI провёл реорганизацию системы католических союзов мирян в Италии, объединив их в централизованную и подчинённую Святому Престолу организацию «Католическое действие». По мысли Пия XI, эта организация должна была стать основным орудием восстановления роли и влияния Церкви в общественной жизни. В задачи «Католического действия» входила и социальная деятельность. 23 декабря 1922 года была обнародована энциклика “*Ubi arcano Dei consilio*”, которая провозглашала торжественное открытие «Католического действия».)

Сотрудничество и согласие Церкви с фашизмом оказалось истинным союзом, направленным, прежде всего, против некоторых общих врагов. Были подписаны 11 февраля 1929 г. Латеранские соглашения о взаимном признании между Королевством Италия и Святым Престолом, благодаря которым впервые после объединения были установлены регулярные двусторонние отношения. Соглашения гарантировали признание Церкви в качестве государственной религии в Италии, что имело важные последствия для системы государственных школ, например, для института преподавания католической религии.

Фашисты не переставали говорить о фашизме как о религии, не колеблясь сравнивали свое движение с христианством, с намерением повысить статус фашизма, чтобы направлять католиков к культу ликтора. Религиозный характер фашизма сильно подчеркивался на первом этапе правления (1923–1926 гг.), главным образом для того чтобы узаконить монополию патриотизма и, следовательно, претензию на монополию власти.

Одним из величайших выражений архитектурного символизма фашизма должен был стать “*Casa Littoria*”, новая штаб-квартира национального секретариата ПНФ (Национальной фашистской партии). Одной из причин являлось решение сделать Выставку революции постоянной, была поддержана идея строительства монументального здания для партийных офисов и зависимых организаций. Одним из самых амбициозных проектов (и одной из многих незавершенных работ) была Римская универсальная выставка, задуманная как «Олимпиада цивилизаций» между странами, чтобы проиллюстрировать вклад каждой и отметить превосходство Италии от римской эпохи до фашистского периода.

Символическая вселенная фашизма вращалась вокруг мифов и культа Муссолини. Все кризисы, сотрясавшие фашистскую партию в период с 1923 по 1925 год, способствовали возникновению мифа о дуче, превозносимом как единственный фактор сплочения фашизма. Утверждение и институционализацию культа и мифа о дуче нельзя отнести только к внутренним событиям фашизма, миф состоял из множества элементов, в том числе внешних по отношению к фашизму. С учреждением культа ликтора превознесение фигуры Муссолини стало основным направлением деятельности пропагандистской машины, своеобразной «фабрики консенсуса», которая все интенсивнее работала над распространением мифа и культа дуче среди масс, делая его

изображение вездесущим, представляя его как величайшего человека всех времен. Миф о Муссолини после завоевания власти нашел благоприятную среду для утверждения (и распространения) даже за пределами его партии, причем фашистская пресса способствовала формированию мифа, сравнивая поездки Муссолини по стране с ритуалами. Постоянные встречи Муссолини с толпой во многом способствовали разжиганию культа дуче в массах по случаю фашистских праздников или во время его поездок по Италии. Культ Муссолини получил расцветную поддержку среди простых людей и был постоянным явлением режима до Второй мировой войны.

Заклучение

Сначала фашистская идеология проявлялась как стихийное выражение отрядизма. Она отражала бунтарский дух, чувство общей веры, которое ещё не подчинялось церковным правилам и не основывалось на слепом поклонении безоговорочной непогрешимости вождя. Однако с приходом к власти фашизма эта идеология трансформировалась, став необходимым инструментом для достижения дисциплины и единства. В более прозаической форме газета *“Il Popolo d’Italia”* в 1932 г. утверждала, что фашизм, до того, как стать партией, являлся «прежде всего религией родины и долга», и стремилась собрать массы, которые всё ещё отсутствовали в политике, чтобы заставить их «быть итальянцами» (*Il Popolo d’Italia*. 1932. 25 apr.).

В 1932 году Муссолини окончательно сформулировал доктрину фашизма, в которой провозгласил фашизм религиозной концепцией жизни, рассматривая человека в его имманентных отношениях с высшим законом, с объективной волей, которая превосходит отдельного человека и возвышает его до сознательного члена духовного общества. Он заявил, что фашистской идее необходимо стать институтом и коллективной верой. Таким образом, фашизм должен был воплотить материализацию мифа.

Двадцатилетнее правление фашистского режима в Италии характеризовалось превращением политических практик в своего рода политическую религию. Миф о дуче, харизматичном вожде, стал центральным элементом националистического движения, ознаменовав собой окончательный разрыв с либеральными и гуманистическими ценностями, которые составляли основу идеалов Рисорджименто – итальянского национального возрождения. Концепция политической религии возвела культ родины до уровня «живого божества», абсолютизируя его значение в общественном сознании и политической жизни. Эта сакрализация государства и его лидера была направлена на мобилизацию масс и укрепление тоталитарного контроля.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать изучение культа дуче и средств коммуникаций (реклама, пропаганда), которые использовали режим для создания культа и его продвижения.

Источники | References

1. Голдберг Дж. Либеральный фашизм / пер. с англ. М.: Рид Групп, 2012.
2. Токарева Е. С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. 1921-1941. М.: Весь мир, 2023.
3. Brennan C. The Fascies: A History of Ancient Rome’s Most Dangerous Political Symbol. N. Y.: Oxford University Press, 2022.
4. Gentile E. Fascismo. Storia e Interpretazione. Bari: Editori Laterza, 2002.
5. Gentile E. Il culto del Littorio. La sacralizzazione della politica nell’Italia fascista. Roma – Bari: Editori Laterza, 1993.
6. Gentile E. Politics as Religion. Princeton: Princeton University Press, 2007.
7. Gentile G. The Philosophy of Fascism. Chicago, 1936.
8. Mosse G. Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars. N. Y.: Oxford University Press, 1991.
9. Sale G. La chiesa di Mussolini / i rapporti tra fascismo e religione. Milano: Rizzoli, 2011.
10. Smith A. National Identity. Reno: University of Nevada Press, 1991.
11. Zeev S. The Birth of Fascist Ideology: From Cultural Rebellion to Political Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Информация об авторах | Author information

Якутина Елена Николаевна¹, к. ист. н.

¹ Московский гуманитарный университет

Elena Nikolaevna Yakutina¹, PhD

¹ Moscow University for the Humanities

¹ yakutinaelena@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.03.2025; опубликовано online (published online): 19.05.2025.

Ключевые слова (keywords): история Италии; итальянский фашизм; фашистские коммуникации; консенсус; Italian history; Italian Fascism; Fascist communications; consensus.